

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

при поддержке Международного благотворительного фонда
Д. С. Лихачева

Седьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

2-е издание , исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
Свое издательство
2012

ИПОСТАСИ ОБРАЗА ГЕРОИНИ В ЦИКЛЕ
«СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»
И ИХ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ¹

В настоящей статье мы постараемся раскрыть образ героини в цикле «Стихи о Прекрасной Даме» А. Блока, пользуясь термином «ипостась», опираясь на его определение в философском энциклопедическом словаре: «субстанция, <...> овеществление какого-либо свойства, понятия, вообще чего-либо абстрактного или просто идеи»². Или Большой академический словарь русского языка объясняет, что это «одна из форм, сторон проявления, воплощения и т.п. кого-, чего-либо»³. В настоящей статье нас в большей степени интересует именно последнее значение данного слова.

«Ипостаси» героини в стихотворениях А.Блока

Легко видеть, что уже в первой части цикла героиня стихотворений, воплощающая в себе идеальное Софийное начало и «Вечную Женственность», может иметь несколько лиц. Автор называет ее «Она» или «Ты» с большой буквы, и этот образ предстает и в образе «дочери блаженной стороны»⁴, сказочной царевны⁵, иногда — луны/месяца⁶,

¹ Данная работа была выполнена при поддержке Японо-Российского центра молодежных обменов (JREX Fellowship for Young Researchers).

² Философский энциклопедический словарь. М., 2003.

³ Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2007. Т. 7. С. 356.

⁴ См. стихотворение «Ночью сумрачной и дикой...», Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1997. Т. 1. С. 72. Далее все тексты стихотворений приводятся из этого издания с указанием тома и страницы.

⁵ См. вступительное стихотворение цикла «Отдых напрасен. Дорога крута...». Другие примеры будут названы со связи с работой Н. Ю. Грякаловой. См. ниже.

⁶ См. Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 19–22. Здесь назван ряд стихотворений, где героиня может быть истолкована как луна: «Отдых напрасен. Дорога крута...» (I, 47); «В бездействии младом, в передрагасветной лени...» (I, 64); «Прозрачные, неведомые тени...» (I, 66); «Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...» (I, 68); «Я долго ждал—ты вышла поздно...» (I, 82); «Станных и новых ищу на страницах...» (I, 102); «Днем вершу я дела суеты...» (I, 102).

души мира¹. Эта многоликость героини и является ее «ипостасями». Выявление всех образов героини в цикле — задача безмерная. В данной статье мы рассмотрим лишь основные и взаимосвязанные между собой примеры: Царевна, недоступная в терему или в чертоге; луна или месяц на вечернем фоне; влажный знак, или тот, что/кто пройдет временную смерть/зиму и ждет скорого возрождения, цветения².

Царевна, прообразом которой литературоведы В.Н.Орлов, Н.Ю.Грякалова (1991) считают «Царь-Девицу» Я.П.Полонского, появляется уже во вступительном стихотворении цикла «Отдых на прасен. Дорога крута...» и регулярно появляется в его последующих стихотворениях³. Важность центрального образа героини-луны уже рассматривала в своих работах Д.М.Магомедова (1997) на примере ряда стихотворений⁴. А воскресающую героиню можно увидеть в таких стихотворениях, как «Тихо вечерние тени...» и «Она росла за дальними горами...»⁵. Добавим, что довольно часто эти образы объединены общими чертами. В уже названной работе Д.М.Магомедовой отмечено, что «Царевна в терему», рассыпающая жемчуга, в связи со стихами А.А.Фета имеет «лунный» генезис⁶. Один из вариантов воскресающей героини, «влажный знак», тоже связан с лунным мифом о богине плодородия Деметре и ее дочери Персефоне⁷. К тому же и царевна, и луна иногда проявляют Софийные черты, т.е. соотносены с «чертогом» или дворцом, о котором говорится в стихотворении Вл. Соловьева «У царицы моей есть высокий дворец...», содер-

¹ См. «Душа молчит. В холодном небе...» (I, 51); «Сумерки, сумерки вешние...» (I, 72).

² См. «Тихо вечерние тени...» (I, 51); «Она росла за дальними горами...» (I, 65).

³ Грякалова Н. Ю. К генезису образности ранней лирики Блока (Я. Полонский и Вл. Соловьев) //Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 49-63. В работе автор называет еще два стихотворения с мотивом «пребывания героини в терему»: «Ты горишь над высокой горою...» (I, 72); «Без Меня б твои сны улетали...» (I, 118). К ним можно добавить «Безмолвный призрак в терему...» (I, 128), где герой-«крab» находится в терему, храня «Ее ключи», один из атрибутов царевны. Также можно рассмотреть стихотворение «Молитву тайную твори...» (I, 63) в связи с этими примерами: в нем речь идет о проникновении героя в «Ее чертог» и постижении «Ее необычайного глаза», который, как отмечает Магомедова, тоже имеет связь с «Царь-девицей» Я. П. Полонского. См. Магомедова, С. 21.

⁴ См. выше.

⁵ См. выше.

⁶ Магомедова Д. М. Автографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 21.

⁷ Там же. С. 23.

жащем аллюзию на Книгу Премудрости Соломона¹. Таким образом, четко определить к какому типу относятся героини в стихах Блока, почти невозможно, поэтому лучше воспринимать все лики героини как единый образ, выступающий в разных ипостасях.

Несмотря на то, что о многоликости героини уже немало было сказано разными исследователями, все же детальный анализ отдельных образов всего цикла показывает, что нередко эти образы получают своеобразное развитие, зачастую негативное. Далее мы более подробно рассмотрим именно этот аспект.

«Ипостаси» героини и их развитие

Итак, первая ипостась «ты-луна» изначально была «источником света», сопровождавшего героя во время верховой езды². Она «царица чистоты», которая «глядит с нездешней высоты»³, и перед ней «синеют без границы/Моря, поля, и горы, и леса»⁴.

А теперь обратимся к стихотворению «Днем вершу я дела суеты...» из четвертого раздела цикла.

Днем вершу я дела суеты,
Зажигаю огни ввечеру.
Безысходно туманная — ты
Предо мною затеваешь игру.
.....
Как ты лжива и как ты бела!
Мне же по сердцу белая ложь...
Завершая дневные дела,
Знаю — вечером снова придешь. (I, 102)

В этом стихотворении «Ты», которая приходит вечером, может быть истолкована как луна, которая теперь описывается как затуманенная, лживая и обманчивая, чей блеск автор называет «белой ложью».

Трансформируется и следующая ипостась — царевна. Прочитаем стихотворение «Тебя скрывали туманы...», также входящее в состав четвертого раздела цикла.

¹ См. комментарии к стихотворению «Отдых напрасен. Дорога крута...» в нижеуказанном издании: Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1997. Т.1. С.457.

² См. третью строфу стихотворения «За туманом, за лесами...» (I,63).

³ См. «Какому Богу служишь ты?» (I,64).

⁴ См. «Прозрачные, неведомые тени...» (I,66).

Тебя скрывали туманы,
И самый голос был слаб.
Я помню эти обманы,
Я помню, покорный раб.

Тебя венчала корона
Еще рассветных причуд.
Я помню ступени трона
И первый твой строгий суд.

Какие бледные платья!
Какая странная тишь!
И лилий полны объятья,
И ты без мысли глядишь...

.....

Но разве мог не узнать я
Белый речной цветок
И эти бледные платья,
И странный, белый намек? (I, 106)

Здесь первая и третья строки второй строфы «Тебя венчала корона» и «ступени трона» намекают, что героиня и есть царевна¹. Но она больше не «горит над высокой горою, недоступна в Своем терему»². Царевна, которая была «дольнему стуку чужда и строга»³, утратив свой гордый вид, выглядит слабо, рассеянно и безжизненно.

Примечательно, что у героини в то же время общие черты с лунной героиней предыдущего стихотворения. Она скрыта туманами, она связана с «обманами»⁴, и особо подчеркивается белизна ее наря-

¹ В комментарии к данному стихотворению в академическом собрании сочинений А. Блока, эти мотивы соотнесены именно с Офелией. См. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1997. Т. 1. С. 532.

² См. первую строфу стихотворения «Ты горишь над высокой горою...» (I, 72).

³ См. вторую строфу стихотворения «Отдых напрасен. Дорога крута...» (I, 47).

⁴ См. третью строку первой строфы настоящего стихотворения: «Я помню эти обманы». Мотивы «Обмана» «ложи» также появляются в связи с героиней в стихотворении «Будет день, словно миг веселья...» (I, 129): «Ты сама придешь в мою келью... /.../ Но все прежнее станет ложью».

да¹. Как мы отметили ранее, это пример, где в описании одной героини сливаются черты нескольких ипостасей.

И, наконец, третья ипостась. Героиня, сравниваемая с «влажным злаком» в стихотворении «Она росла за дальними горами...», растет, восходит к солнцу, а уходя в смерть, «вдруг расцветает, в лазури торжествуя»². Ей суждено воскреснуть, стать выше изначального: «Она цвела за дальними горами, /Она течет в ряду иных светил»³.

А теперь обратимся к стихотворению финального, шестого раздела цикла.

Свобода смотрит в синеву.
Окно открыто. Воздух резок.
За желто-красную листву
Уходит месяца отрезок.

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

.....
Как бледен месяц в синеве,
Как золотится тонкий волос...
Как там качается в листве
Забывтый, блеклый, мертвый колос... (I, 126)

В данном стихотворении образ луны превращен в «месяца отрезок», «светлый серп», причем слово «серп» рифмуется со словом «ущерб». Здесь уместно было бы процитировать наблюдение А.Ханзен-Лёве (2003), что когда лунный серп появляется в качестве месяца, «на первый план ясно выступают деструктивные, отчасти диаволические черты его ущербной сущности (смерть, старость, негативные чары, белый цвет — идущее на ущерб лунное серебро)»⁴. И хотя мотив лунного серпа также может иметь соотнесенность к рождению и становлению⁵, можно быть уверенным, что здесь больше

¹ См. третью и пятую строфу данного стихотворения.

² См. одиннадцатую строку названного стихотворения, т. 1. С. 65.

³ См. последние две строки вышеназванного стихотворения.

⁴ Ханзен-Лёве А. Мифопоэтический символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. С. 148.

⁵ Там же, С. 148: «Лунный серп в качестве «косы» обычно символизирует

господствует признак смерти¹, вызванный осенним пейзажем и образом «забытого, блеклого, мертвого колоса», заменившего прежний «влажный знак».

Такую же амбивалентность, усложняющую интерпретацию стихотворения, носит и символика белого цвета, которая ярко проявляет себя во всех трех примерах.

Символика белого цвета

Надо заметить, что проблема цветной символики в творчестве А. Блока уже давно привлекает внимание исследователей².

амбивалентность Эроса и Танатоса, рождения и смерти, гибели и становления»; С. 144: «Символика «серпа» (...) соотносится с культом земли-матери и дионисийской двойственностью плодородия — и урожая, продолжения рода и смерти».

¹ Возможно, что здесь фраза «последний раз» усиливает ощущение близкой смерти. См. следующие строки из стихотворения «Молитву тайную твои...» (I, 63): «Уже приблизились лучи/Последней для тебя зари»; «Взгляни наверх в последний раз»; «Как в первый, так в последний раз/Проникнешь ты в Ее чертог».

² Здесь мы рассматриваем работы, написанные за последние 30 лет, но этот вопрос был задан в работе Р. З. Миллер-Будницкой «Символика цвета и синэстетизм в поэзии на основе лирики А. Блока», опубликованной еще в 1930 году. Это свидетельствует о том, что данный вопрос является до сих пор весьма актуальным.

См. Миллер-Будницкая Р. З. Символика цвета и синэстетизм в поэзии на основе лирики А. Блока // Известия Крымпединститута им. Фрунзе. Т. 3. Симферополь, 1930. Л. В. Краснова в отдельной статье (1976) обсуждает вопрос символики черного и белого цветов в трех томах стихотворений А. Блока. Здесь исследователь рассматривает такие цвета как «бледный», «светлый», «ясный», «блеклый» и «белесый» как эквиваленты «белого», но принимает во внимание именно только прилагательные. Исследователь также уделила несколько страниц этой теме в своей диссертационной работе (1991).

См. Краснова Л. В. Символика черного и белого цветов в поэтике Александра Блока // Филологические науки. 1976. № 4. С. 3-13. А также Краснова Л. В. Поэзия Александра Блока. К проблеме концептуальности поэтических форм. М., 1991.

Е. М. Спивакова (2009), посвятив целую главу анализу колоративной лексики со значением белого и черного цветов, немного более подробно описывает условия разбора, расширяя список анализируемой лексики. В отличие от Л. В. Красновой, Е. М. Спивакова рассматривает не только прилагательные, но и существительные, а также глагольные образования колоративы; причем в группу прилагательных она включает и слова «приобретшие цветное значение опосредованно (типа «млечный», «снеговой»)), и даже такие слова как «серебряный» и «седой», которые, по мнению исследовате-

Л. В. Краснова (1976) и Е. М. Спивакова (2009), изучая цветную символику в трех томах стихотворений А. Блока, обе пришли к сходному выводу: хотя белый может иметь самые разные коннотации¹, все же можно выделить два основных, противоположных значения². Л. В. Краснова полагает, что белый цвет с одной стороны, обозначает «святость, чистоту» а с другой — «отрешенность, безжизненность, мертвенность»³. А по мнению Е. М. Спиваковой, значение этого цвета развивается по двум направлениям, либо как «совершенный синтез всех цветов», реализующий контекстуальные смыслы «принадлежности к высшему миру духа, святости», «служения, веры, аскезы», «невинности, душевной чистоты» и т. п.; или как «пустота, отсутствие цвета», реализующие контекстуальные смыслы «смерть», «опустошение», «забвение», «стихийная страсть», «безумие» и т. п.⁴

Амбивалентность значения белого цвета

Помня, что значение белого цвета может быть амбивалентным, рассмотрим, какие именно значения белого цвета раскрываются в данных стихах А. Блока.

Е. М. Спивакова полагает, что белый цвет в сочетании с Возлюбленной или связанными с ней мотивами храма, птиц, цветов и одежды, прежде всего передает смысл «святость, отнесенность или принадлежность к высшему, духовному миру»⁵. Но в некоторых случаях такое значение «переосмысливается» и тогда реализуются негативные смыслы, как уже было процитировано выше.

По мнению исследователя, «белая ложь» в стихотворении «Днем ля, употребляются в сходном значении и в близких контекстах с словом «белый». Для анализа взяты три тома стихотворений А. Блока.

Анализ Е. М. Спиваковой, как нам кажется, более ответственно описывает функцию цветной лексики, какие значения могут проявлять слова этой семантической группы в отдельных случаях. Следовательно, здесь чаще всего ссылается на ее работу. См.: Спивакова Е. М. Язык цвета в идиостиле А. Блока. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Владивосток, 2009.

¹ Краснова (1976): «Полисемия его (белого цвета) здесь обширна» (С. 4)

² Краснова (1976): «Как прежде, (во втором томе) белый выступает синонимом чистоты, святости, непорочности, но может, как и прежде, передавать мистический ужас, обреченность, бредовые ощущения» (С. 8); «(в третьем томе) Блок не расстается со значением белого как выразителя смерти, гибели. (...) И вместе с тем белый остается и символом скрытого благородства, идеала» (С. 10-11)

³ Краснова (1976), с. 4.

⁴ Спивакова, с. 98-99.

⁵ Спивакова, с. 79-86.

вершу я дела суеты...» является примером второго направления. Это переосмысление, как отмечает исследователь, порождается предчувствием, что «надежда обманет, белая святость обернется ложью, Дева, Заря, Купина¹ «изменит облик», ощущением, что высший идеал непостижим»².

Стихотворение «Тебя скрывали туманы...», насыщенное белыми цветами, позволяет еще больше возможных истолкований³. Е.М.Спивакова пишет, что «белый речной цветок» в данном стихотворении играет роль «знака, понятного посвященным в тайну», что позволяет лирическому герою «узнать» Ее⁴. А кого же узнал герой в «Ней»? Поскольку есть основание рассматривать это стихотворение как отзвук воспоминаний о постановке сцен из «Гамлета»⁵, «белый речной цветок» может ассоциироваться и с утонувшей Офелией, к образу которой А.Блок неоднократно обращался в своих ранних стихах⁶. Офелия, как и в самой трагедии Шекспира, так и в восприятии поэта, неразрывно связана с цветами⁷. В стихотворениях же А.Блока героиня чаще всего соотносится именно с розами и лилиями⁸. А в некоторых

¹ Цитата из стихотворения «Станных и новых ищу на страницах...» (I, 102). Здесь к героине обращается «Белая Ты».

² Спивакова, с. 81-82.

³ Л. В. Краснова в своей работе приводит в качестве примера последнюю строфу данного стихотворения и отмечает, что «Особенно выразителен белый там, где он передает болезненность ощущений, безжизненность, мертвенность, зыбкость, как в мучительном сне, кошмаре». Краснова (1976), с. 4.

⁴ Спивакова, с. 83-84.

⁵ См. комментарии к этому стихотворению в нижеуказанном издании: Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1997. Т. 1. С. 532.

⁶ А. Блок упоминает об Офелии в следующих стихотворениях: «Есть в дикой роще, у оврага...» (I,17); «Песни Офелии (Разлучаясь с девою милой...)» (I, 19); «Прошедших дней немеркнушим сияньем...» (I, 32); «Песня Офелии (Он вчера нашептал мне много...)» (I, 137). Из стихотворений, не вошедших в основное собрание, «Я шел во тьме к заботам и веселью...» (IV, 55); «Офелия в цветах, в уборе...» (IV, 62). Также в стихотворении «Я — Гамлет. Холодеет кровь...» (III, 61) поэт снова возвращается к этому мотиву.

⁷ Шекспир В. Гамлет принц датский. В новом переводе А. Л. Соколовского. СПб., 1883. С. 123-124.

Интересно, что в переводе говорится «Бедняжка приютилась, чтоб плести/Свой венки из маргариток, лилий» и утонула в речке, а в оригинале названы не лилии, а другие цветы: crow-flowers, nettles, daisies.

⁸ См. строки «Питая вечными слезами, Офелия, цветы твои!» (I, 17); «А розы сыпались на бедного поэта, / И с розами лились, лились его мечты...», «Ты умерла, вся в розовом сиянии, / С цветами на груди, с цветами на кудрях» (I, 18); «Я не нашла моих лилий в поле» (I, 137); «Офелия в цветах, в

случаях название самого цвета не дается, а делается лишь небольшой намек: «А розы сыпались на бедного поэта, / И с розами лились, лились его мечты...»¹; «За думой вслед лились трель за трелью»².

В обсуждаемом стихотворении выражение «лилий полны объятья», под которым подразумеваются руки лилейной белизны героини³, можно считать таким же примером. А лилия, символ чистоты и невинности, атрибут святого и Девы Марии в христианской символике, у Блока может носить весьма негативные коннотации⁴. «Бледные платья» также можно воспринимать двусмысленно. По мнению Е.М.Спиваковой, белая одежда или человек «в белом» может символизировать духовность, служение, веру, аскезу. Но также белая одежда может отождествляться с саваном⁵. Само собой разумеется, что в таком контексте «белый намек» также не может быть положительным.

К вышесказанному можно добавить, что в восклицании «Какие бледные платья! Какая странная тишь!» в третьей строфе угадывается связь с репликами «мистиков» в драме «Балаганчик» — «О, какой чистоты и какой белизны!», «Как бела ее одежда!»⁶. В этой связи героиня, о которой сказано «без мысли глядишь», близка и к образу Коломбины с ее «пустотой в глазах»⁷. Это может считаться «ироническим переосмыслением» на которое указывает Е.М.Спивакова в анализе стихотворения «Балаганчик»⁸.

уборе / Из майских роз и нимф речных», «Ее девичье покрывало / В сплетеньи майских роз и нимф» (IV, 62). Добавим, что «майская роза» (rose of May) — обращение Лаэрты к сестре Офелии, но в переводе Соколовского дан вариант «цветок бесценный». Там же, 112.

¹ «Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...» (I, 18)

² «Я шел во тьме к заботам и веселью...» (IV, 55). В нем также повторяется мотив падающей звезды. См. комментарии к этому стихотворению в нижеуказанном издании: Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1999. Т. 4. С. 441.

³ В стихотворении дано выражение «лилий полны объятья» (I, 106)

⁴ Спивакова, с. 84-85. Она здесь дает пример «неправильно понятый знак, самообман, вызванный неоправданной верой в достижимость Идеала» и приводит строфу из стихотворения «Ушел он, скрылся в ночи...» (I, 127). К ее анализу можно добавить еще один пример, стихотворение «Его встречали повсюду...» из шестого раздела, где белые лилии изображены как спутники смерти: «Входил в свою тихую келью, / Зажигал последний свет, / Ставил лампаду веселью / И пышный лилий букет» (I, 130).

⁵ Спивакова, с. 85-86.

⁶ Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 11-12.

⁷ Там же. С. 11-12.

⁸ Спивакова, с. 82.

По поводу стихотворения «Свобода смотрит в синеву...», помимо двойственного характера образа «светлого» лунного серпа и контраста между «бледным месяцем» и синим небом, именно слово «бледный», используемое при описании лица человека, может передавать «неприятный, болезненный оттенок»¹.

Итак, мы видим, что в этих примерах белый цвет имеет скорее негативное значение. Об этом пишет Е.М.Спивакова: «когда лексемы группы белого цвета претерпевают «инверсию», смысл, обычно сопровождающийся положительной коннотацией, на определенном этапе творчества начинает оцениваться отрицательно, и наоборот»².

Такой вывод предоставляет нам важный ключ к истолкованию еще одного стихотворения. Это заключающее цикл стихотворение «Дома растут, как желанья...», где прямо говорится о смерти лирического героя.

Дома растут, как желанья,
Но взгляни внезапно назад:
Там, где было белое зданье,
Увидишь ты черный смрад.

Так все вещи меняют место,
Неприметно уходят ввысь.
Ты, Орфей, потерял невесту, —
Кто шепнул тебе: «Оглянись»?..

Я закрою голову белым,
Закричу и кинусь в поток.

¹ Спивакова, с. 79. Таким же примером может служить стихотворение «Брожу в стенах монастыря...» из пятого раздела, в котором развернут один из важнейших мотивов «Стихов о Прекрасной Даме», а именно мотив служения и аскезы. Здесь белый/ая (снег, риза) и бледный/ая (воск свечей, снег; заря, братия) цвет явно соотнесен с «бедностью», утратой жизненной силы, даже с обеднением души.

Мне странен холод здешних стен
И не понятна жизни бедность.
Меня пугает сонный плен
И братий мертвенная бледность.

Заря бледна и ночь долга,
Как ряд заутрен и обеден.
Ах, сам я бледен, как снега,
В упорной думе сердцем беден... (I, 108)

² Спивакова, с. 99.

И всплывет, качнется над телом
Благовонный, речной цветок (I, 131).

Здесь говорится о губительности искушения оглянуться. В первой строфе, третья и четвертая строки напоминают о гибели города Содома и жены Лота, которая превратилась в соляной столп¹. Во второй строфе, речь идет об Орфее, навсегда потерявшем жену Эвридику². Автор посредством аллюзии на общеизвестные мифы повествует о разрушении собственного мифа. Итак, лирический герой теряет свою «Жену», а то, что было святым храмом, Софийным «чертогом», «белым зданием»³, превращается в черный смрад. В отчаянии лирический герой в последней строфе пророчит собственную смерть и видит «благовонный, речной цветок» над своим телом. Это описание переключается с последней строфой стихотворения «Тебя скрывали туманы...» — «Но разве мог не узнать я / Белый речной цветок / И эти бледные платья, / И странный, белый намек?»⁴, сближая героя с Офелией.

Такая интерпретация авторского мифа очень многозначна: ведь до этого прохождение через смерть относилось именно к героине, а не к герою. Если считать «всплывающий речной цветок» знаком воскресения героини, то для этого требуется смерть, жертва со стороны героя. Таким образом, в конце цикла изначально положение взаимоотношений героя с героиней тоже претерпевает изменение.

На основе вышеприведенного анализа можно сделать вывод о том, что ипостаси образа героини в цикле «Стихи о Прекрасной Даме» не являются статичными, а продолжают развиваться внутри самого цикла. Образы «царевны», «луны» и «влажного злака» приобретают все более негативный оттенок значения к концу цикла. Это создается не только с помощью трансформации образа героини, но и посредством символики белого цвета. А в дальнейшем «изменившие облики» ипостаси становятся своеобразным шагом к разрушению мифа, точно так же как Коломба с ее «месяцем в косе/под косой» в глазах мистиков превратилась из царевны в смерть⁵.

¹ См. комментарии к этому стихотворению в нижеуказанном издании: Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. М., 1997. Т. 1. С. 562.

² Там же.

³ Автор статьи согласна с Е. М. Спиваковой, что белый храм символизирует «святость, отнесенность к высшему, духовному миру» и является «пределом духовного восхождения, обителью Идеала, Прекрасной Дамы, часто недостижимая». Спивакова, с. 80.

⁴ См. выше.

⁵ Блок А. А. Собрание сочинений в 8 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 12.